

Григорий Тимофеев

**А.А. Алябьев. Очерк жизни и
творчества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т41

Т41 **Тимофеев Г.**
А.А. Алябьев. Очерк жизни и творчества / Григорий Тимофеев – М.: Книга по Требованию, 2019. – 96 с.

ISBN 978-5-517-97306-1

А.А. Алябьев. Очерк жизни и творчества. С приложением портрета, романа, куплетов из двух водевилей, дуэта из оперы, хронологического списка и указателя сочинений Алябьева.

ISBN 978-5-517-97306-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Введеніе.

Среди композиторовъ до глинкинскаго періода русской музыки, непосредственныхъ предшественниковъ великаго основателя русской художественной музыкальной школы Александръ Александровичъ Алябьевъ несомнѣнно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

По силѣ таланта, по характеру его, преимущественно лирическому, по проявленію музыкальнаго творчества главнымъ образомъ въ области мелодіи, построенной симметричными періодами и отражающей несложныя чувства, ощущенія и настроенія, выраженыя хотя и безъ большой глубины, но просто, непридуманно, искренно, зачастую наивно съ оттѣнкомъ сентиментальности, по композиторской технику достаточно развитой по тому времени и обнаруживающейся въ формахъ—романса, водевиля съ музыкой или оперы въ ея примитивномъ видѣ, наконецъ, по пробивающемуся національному характеру въ музыкѣ—его мѣсто рядомъ съ его современникомъ Алексѣемъ Николаевичемъ Верстовскимъ.

Если мы обзываемъ теперь всѣхъ такихъ русскихъ композиторовъ начала XIX столѣтія дилеттантами, то современники Алябьева, восхищавшіеся его многочисленными романсами, его музыкой въ водевиляхъ или его операми и называвшіе его „знаменитымъ“, а то и „русскимъ гениемъ“ были правы по своему: никто изъ русскихъ композиторовъ того времени не возвышался надъ ихъ уровнемъ—оригинальныя же черты въ ихъ творчествѣ, отличавшія ихъ отъ иностранныхъ авторовъ извѣстныхъ въ то время у насъ, несомнѣнно сказывались.

И Алябьевъ, несмотря на весь свой дилеттантизмъ, характеризующій прежде всего музыкальную некультурность той эпохи, когда музыкальной технику и учиться то было не у кого, имѣетъ однако свою собственную музыкальную физиономію.

Некультурность, о которой я только что упомянулъ, сказавъ и въ томъ, что современники Алябьева не оставили намъ хоть сколько нибудь связанныхъ біографическихъ свѣдѣній о композиторѣ, вдохновеніями котораго они такъ наслаждались.

Уже прошло свыше полувѣка со смерти Алябьева, а до сихъ поръ вовсе не существуетъ его біографіи. Между тѣмъ въ исторіи русской музыки и русской культуры Алябьевъ — одна изъ типичныхъ фигуръ и не долженъ быть забытъ.

Пытаясь хоть сколько-нибудь пополнить этотъ пробѣлъ, приходится собирать положительно по крупинкамъ изъ всевозможныхъ источниковъ: изъ журналовъ и газетъ того времени, изъ воспоминаній современниковъ вскользь говорящихъ о музыкѣ какъ объ обстановкѣ, изъ писемъ разныхъ лицъ, хранящихся въ архивахъ. Трудъ кропотливый, отнимающій массу времени и скупо вознаграждающій.

Мои розысканія доставили мнѣ уже довольно обширный матеріалъ и я хочу теперь же попытаться дать на его основаніи очеркъ жизни и дѣятельности композитора и сдѣлать характеристику и оцѣнку его творчества.

1.

Алябьевъ происходилъ изъ стариннаго русскаго дворянскаго рода. Одинъ изъ его предковъ былъ въ началѣ XVII в. Нижегородскимъ воеводой ¹⁾. Будущій композиторъ родился 4 Августа 1787 года въ Москвѣ. Отецъ его Александръ Васильевичъ (1746—1822) былъ видный сановникъ, дослужившійся до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Долгое время онъ служилъ сенаторомъ по Московскому Департаменту, потомъ былъ назначенъ президентомъ бергъ-коллеги и наконецъ главноуправляющимъ межевою канцеляріею.

Обладая достаточными средствами, отецъ далъ сыну хорошее домашнее воспитаніе, а затѣмъ отдалъ его въ Московскій Университетскій Пансіонъ ²⁾. Дома мальчикъ учился и музыкѣ и прежде всего игрѣ на фортепіано, на которомъ игралъ очень порядочно. Свѣдѣній у кого Алябьевъ въ дѣтствѣ учился музыкѣ не имѣется. Не смотря на явныя музыкальныя способности мальчика, родители, очевидно не считая карьеру музыканта завидной—таково было время—вовсе не имѣли въ виду избрать ее для сына, а рано позаботились обезпечить ему болѣе блестящую военную карьеру. Съ четырнадцати лѣтъ онъ уже числился на государственной службѣ.

Изъ сохранившагося послужнаго списка его ³⁾ видно, что 16 Апр. 1801 года онъ былъ зачисленъ на службу въ бергъ-

¹⁾ Это свѣдѣніе о родѣ Алябьевыхъ, какъ и нѣкоторые другія данныя объ Алябьевѣ, сообщилъ мнѣ его дальній родственникъ Борисъ Ивановичъ Алябьевъ, проживающій въ губ. городѣ Владимірѣ, за что приношу ему свою благодарность. О родѣ Алябьевыхъ имѣется свѣдѣніе въ справочномъ энциклопедическомъ словарѣ А. Старчевскаго (изд. К. Края, СПб. 1847): „Въ Бархатной книгѣ родъ Алябьевыхъ не показанъ, въ общемъ же Гербовникѣ (11—70) сказано, что продоку рода Алябьевыхъ, Александръ выѣхалъ изъ Польши въ княженіе великаго князя Василя Іоанновича и былъ жалованъ въ Муромскомъ уѣздѣ деревнями. Потомки Александра служили въ разныхъ чинахъ, и въ 1573 и другихъ годахъ были жалованы помѣстьями“.

²⁾ О томъ, что отецъ далъ Алябьеву хорошее воспитаніе можно заключить, между прочимъ, и изъ слѣдующихъ строкъ некролога старика, помѣщеннаго въ „Благонамѣренномъ“ (1823 г. часть XX) и подписанномъ инициалами Н. Н.: „Бывъ отцомъ семейства, онъ при всѣхъ своихъ занятіяхъ не упустилъ доставить приличнаго и даже превышавшаго средства его воспитанія дѣтямъ своимъ, утѣшавшимъ его при закатѣ дней и столь впоследствии содѣлывшамися достойнымъ знаменитаго его имени“ (стр. 493). Братъ Алябьева Василій подвизался на поприщѣ стихотворца и напечаталъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Страничекъ“. Композиторъ Алябьевъ написалъ на нѣкоторые стихотворенія брата музыку.

³⁾ См. „Къ біографіи композитора Алябьева“. Сообщ. А. В. Безродный „Ист. Вѣстк.“ 1905 г. Апрель.

коллегию унтеръ-шахтмейстеромъ. Отецъ былъ тогда президентомъ бергъ-коллегии, оставивъ этотъ постъ лишь въ 1803 г. и опредѣленіе сына, какъ и быстрое движеніе его по службѣ, нужно думать трудностей не представляло. Въ 1804 г. юноша былъ переведенъ въ бергъ-контору, а 14 Іюня 1812 г., уже офицеромъ былъ назначенъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ. Онъ служилъ еще затѣмъ въ Иркутскомъ и Ахтырскомъ гусарскихъ полкахъ. Въ это время разразилась война съ Наполеономъ I-мъ и Алябевъ въ кампанію 1812—1815 г.г. участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ французами, между прочимъ подъ Лейпцигомъ. 23 Февраля 1814 года онъ произведенъ за военные отличія въ поручики. Служилъ Алябевъ сравнительно не долго и 14 Ноября 1823 г. былъ уволенъ въ отставку изъ Л.-Гв. Конно-Егерскаго полка „за раню, съ чиномъ подполковника, мундиромъ и пенсіей полнаго оклада“, согласно официальной фразеологіи.

Болѣе или менѣе серьезныя занятія Алябева теоріей музыки относятся ко времени не ранѣе 1805—6 г.г. Около этого времени въ Петербургѣ сталъ входить въ славу въ качествѣ преподавателя музыки Іоганнъ Гейнрихъ Мюллеръ—солидный музыкантъ переселившійся въ Петербургъ изъ Вѣны въ 1803 году (род. въ 1780 г. въ Кенигсбергѣ, въ Пруссіи) и приглашенный на мѣсто дирижера оркестра Нѣмецкаго театра. Года черезъ два онъ перемѣнилъ дѣятельность дирижера, не дававшую ему досуга для музыкальнаго творчества, на музыкально-педагогическую, лучше оплачиваемую и позволявшую располагать временемъ по желанію. У него занимались во время пребыванія своего въ Петербургѣ такіе пользовавшіеся извѣстностью артисты какъ скрипачи Роде, Лафанъ, піанистъ Фильдъ, Зусманъ, Фуксъ. Брала у него уроки и наши великосвѣтскіе дилеттанты, какъ князь Дмитрій Салтыковъ, графъ Михаилъ Віельгорскій. Есть свѣдѣніе, что у него учился и Алябевъ, но въ какое время въ точности неизвѣстно ¹⁾). Извѣстно однако, что Мюллеръ проживалъ безвыѣздно въ Петербургѣ вплоть до своей смерти около 1827 г. Поэтому заниматься у него Алябевъ могъ въ Петербургѣ или до своего поступленія офицеромъ въ Казачій полкъ передъ кампаніей 1812 года, или послѣ окончанія войны приблизительно съ 1815 года до того времени, когда онъ переѣхалъ, какъ увидимъ далѣе, на жительство въ Москву. Мюллеръ былъ опытный музыкантъ-теоретикъ, хорошій скрипачъ, учившійся у знаменитаго Крейцера въ Парижѣ, піанистъ и композиторъ, авторъ церковныхъ сочиненій, ораторіи „Архангелъ Михаилъ“, струнныхъ квартетовъ, сочиненій для скрипки, фортепіано, романсовъ ²⁾). Оче-

¹⁾ Свѣдѣніе это, имѣется въ музыкальномъ лексиконѣ Dr. Gustav Schilling:—„Encyclopädie der Tonkunst. Stuttgart 1837.—т. V. стр. 50—51. Это указаніе любезно сдѣлано мнѣ С. К. Будничемъ.

²⁾ Нѣкоторыя его фортепіанныя сочиненія (вальсы и пр.) и романсы (м. проч. на англійскій текстъ Байрона) печатались въ журналѣ „Сѣверная Арфа“ (1822—1825 гг.) на ряду съ сочиненіями тогдашнихъ дилеттантовъ, его ученика князя Дм. Салтыкова, гр. М. Віельгорскаго и др.

видно ему Алябьевъ и обязанъ знаніемъ гармоніи, основъ контрапункта, оркестровки и вообще сравнительной зрѣлостью своей композиторской техники.

Точныхъ свѣдѣній о началѣ музыкальной дѣятельности Алябьева не сохранилось. Но есть свѣдѣнія, что сочинять онъ сталъ еще будучи на службѣ, а именно вскорѣ по возвращеніи изъ кампаніи 1812—1815 г.г. Современникъ Алябьева, композиторъ романсовъ и водевилей Н. А. Титовъ, котораго не совсѣмъ основательно называли „Дѣдушкой русскаго романса“¹⁾ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ точную дату, а именно 1820 годъ, времени отдачи имъ въ печать перваго своего романса „Уединенная Сосна“ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о романсномъ творествѣ того времени, въ томъ числѣ и объ Алябьевѣ: „Въ одно время почти съ моими романсами появились романсы Алябьева „Вечеркомъ румяну зорю“, „Соловей мой соловей“. Послѣдній былъ въ большомъ ходу. Варламовъ написалъ свой „Красный сарафанъ“, который произвелъ фуроръ,—пѣлся вездѣ и всѣми, словомъ сдѣлался общою пѣсней. Онъ былъ пѣваемъ всѣми сословіями—и въ гостинной вельможи и въ курной избѣ мужика“²⁾.

Итакъ романсы Алябьева стали получать извѣстность одновременно съ романсами Н. А. Титова и А. Е. Варламова въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ. Самый ранній изъ розысканныхъ мною романсовъ Алябьева въ оригинальныхъ изданіяхъ—„Вижу бабочка летаетъ“—на слова князя П. И. Шаликова появился въ приложеніи къ издававшемуся авторомъ текста „Дамскому Журналу“ за 1823 годъ³⁾. Но съ большой вѣроятностью можно предположить, что Алябьевъ сталъ писать романсы еще ранѣе, такъ какъ въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ является уже сотрудникомъ капельмейстера Маурера и А. Н. Верстовскаго въ сочиненіи музыки къ одноактному водевилю Н. И. Хмельницкаго „Новая шалость или театральное сраженіе“, а это сотрудничество предполагало уже нѣкоторый навыкъ въ композиторской Technikѣ, навыкъ, который Алябьевъ естественно могъ приобрести на сочиненіи романсовъ. Эта опера-водевиль была представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ Большомъ Театрѣ 12 февраля 1822 г.⁴⁾ Въ эти годы молодой гусарскій офицеръ Алябьевъ вращался въ музыкально-театральныхъ кругахъ Петербурга. Его пріятель Пимень Араповъ, авторъ книги „Лѣтопись русскаго театра“ (СПб. 1861), рассказываетъ какъ они вмѣстѣ

¹⁾ См. С. К. Буличъ „Дѣдушка русскаго романса“ Н. А. Титовъ. Отд. оттиска „Рус. Муз. Гав.“ 1900 г.

²⁾ Воспоминанія Н. А. Титова. „Древняя и Новая Россія“ 1878, стр. 274.

³⁾ См. этотъ романсъ въ приложеніи.

⁴⁾ Объ участіи Алябьева въ сочиненіи музыки къ этой оперѣ-водевилю и о времени первой постановки ея см. „Театръ Николая Хмельницкаго“ въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. Въ Типографіи вдовы Плосшаръ. 1-ая ч.—1829 г.; 2-ая ч.—1830 г. При каждой пѣснѣ помѣщенной въ этомъ изданіи имѣются даты перваго представленія и указаніе авторовъ музыки.

бывали тогда у князя А. А. Шаховскаго, имѣвшаго въ то время первенствующее вліяніе въ театральномъ мірѣ. Членъ конторы Императорскихъ Театровъ по репертуарной части, учитель театральной школы, энергичный администраторъ и плодовитый драматургъ онъ много сдѣлалъ для процвѣтанія русскаго театра. У него на квартирѣ собирались и лица высшей администраціи по управленію Театрами, и артистки и артисты, и писатели, и переводчики театральныхъ піесъ, и воспитанницы театральной школы. Постоянными посѣтителями Шаховскаго были Н. И. Хмельницкій, Н. Всев. Всеволожскій, А. Н. Верстовскій, П. Б. Мансуровъ, Ф. Ф. Юрьевъ. Душой этого кружка былъ Н. И. Хмельницкій, извѣстный въ то время переводчикъ и авторъ цѣлага ряда произведеній для театра. Упомянутый его водевиль „Новая шалость“ съ музыкой Маурера, Верстовскаго и Алябьева очень нравился публикѣ, что подтверждается между прочимъ и тѣмъ что когда 10 Іюля 1822 года поставленъ былъ прологъ „Новости на Парнасъ или торжество музъ“ А. А. Шаховскаго, то куплеты въ прологѣ — „Трала-дери-дери“, представлявшіе пародію на очень игривые куплеты въ водевилѣ, были, освистаны публикой ¹⁾. Одно время, какъ рассказываетъ Араповъ, кружокъ сталъ рѣже собираться у Шаховскаго. „Вся эта наша компанія готовилась тогда участвовать въ прекрасномъ праздникѣ—сюрпризѣ, задуманномъ въ честь русскаго барина-хлѣбосола Всев. Андр. Всеволожскаго, имѣвшаго обыкновеніе проводить день своего рожденія 25 Октября на своей дачѣ Рябовѣ, въ 8-ми верстахъ отъ Пороховыхъ Заводовъ“ ²⁾. Празднество продолжалось три дня—24-го, 25-го и 26-го Октября. Музыка, спектакли и зрѣлища чередовались между собою. Между прочимъ исполнялся водевиль Н. И. Хмельницкаго „Новый Парисъ“ съ музыкой Маурера, постоянного капельмейстера оркестра у Всеволожскаго. Въ водевилѣ строфы о войнѣ 1812 года пѣлъ А. Н. Верстовскій „очаровательнымъ голосомъ“ по отзыву одного современника ³⁾.

II.

Такъ протекала жизнь молодого композитора укрѣпившагося уже на столько въ своемъ творчествѣ, чтобы выступить на судъ

¹⁾ Араповъ. „Лѣтопись“ стр. 323. Нужно замѣтить, что указаніе Арапова о сотрудничествѣ Алябьева въ сочиненіи музыки къ оперѣ-водевилу „Новая Шалость“—довольно сбивчиво. На стр. 316 онъ называетъ лишь одного автора музыки этой оперы-водевила, а на стр. 323 подстрочная выписка: „Музыку для этой піесы сочиняли г.г. Мауреръ, Алябьевъ и Верстовскій“ можетъ быть отнесена по смыслу и къ прологу „Новости на Парнасъ“.

²⁾ „Лѣтопись“ стр. 331.

³⁾ „Отечеств. Записки“ Свиньина 1822 г. ч. 12. Здѣсь напечатано письмо издателя къ Ив. Ив. Дмитріеву отъ 27 Окт. 1822 г. съ подробнымъ описаніемъ этого праздника. Согласно даты пѣвущейся въ сочиненіяхъ Хмельницкаго (см. выше) „Новый Парисъ“ опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи (подражаніе французскому) представлена впервые на Московскомъ Большомъ Театрѣ 7 Іюня 1829 г.

театральной публики съ самостоятельнымъ произведеніемъ. Это была комическая опера „Лунная ночь или домовые“ въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Либретто ея написали Араповъ и Петр. Ал. Мухановъ, которыхъ Алябевъ, по словамъ Арапова, уговорилъ „составить изъ довольно забавнаго сюжета пьесу“. Опера поставлена была въ Большомъ Театрѣ въ Петербургѣ 19 Іюня 1822 года въ бенефисъ Сандуновой. Роли были распредѣлены такъ: Трусимова исполнялъ Зловъ; жену его—Сандунова; Лизу—Иванова; Машу—Монруа; Олинку—Сосницкая; Арמידина, студента—Климовскій; Сваткина, приказнаго—Рамазановъ; Разрубово, гусарскаго офицера—Самойловъ. „Музыка этой оперы пишетъ Араповъ замѣчательна, въ особенноти увертюра и дуэтъ: „Такъ поцѣлуй въ любви залогъ“, который пѣлъ Самойловъ съ Ивановой, также романсъ, арія и хоры. Капельмейстеръ Кавосъ отдавалъ справедливость мастерской оркестровкѣ молодого композитора“. Затѣмъ Араповъ прибавляетъ про оперу Алябева: „это былъ первый его опытъ на музыкальномъ поприщѣ“. Приведеннымъ словамъ Кавоса, крупнаго музыкальнаго дѣятеля той эпохи, композитора и солиднаго музыкальнаго техника нельзя не придавать значенія. Что же касается до утвержденія Арапова, что опера „Лунная ночь“ была первымъ опытомъ Алябева на музыкальномъ поприщѣ, то хотя это утвержденіе и не совсѣмъ точно въ виду участія Алябева еще ранѣе въ сочиненіи музыки къ водевилю Хмельницкаго, но дѣйствительно такое самостоятельное выступленіе являлось настоящимъ композиторскимъ дебютомъ Алябева и дебютомъ какъ видно удачнымъ. Однако опера, несмотря на успѣхъ у публики, не сдѣлалась репертуарной и осталась неизданной. Рукописная оркестровая партитура ея въ копіи имѣется въ центральной музыкальной библиотекѣ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ.

У Арапова же имѣются свѣдѣнія и о дальнѣйшей музыкальной дѣятельности Алябева того времени. Его „Польскій“ въ фарсѣ „Медвѣдь и Паша“ пѣла артистка Иванова на бенефисѣ драматической артистки Ек. Сем. Семеновы 4-го Марта 1823 г. ¹⁾ 8 Января 1824 года въ бенефисъ танцовщицы Истоминой былъ поставленъ передѣланный Араповымъ французскій водевиль „Путешествующая танцовщица—актриса или три сестры—невѣсты“, для котораго Алябевъ сочинилъ увертюру и музыку ²⁾.

Въ этомъ водевилѣ Истомина выступила какъ танцовщица, какъ драматическая актриса и какъ пѣвица. Партитура манускриптъ этого сочиненія Алябева хранится въ Центральной библиотекѣ Императорскихъ театровъ въ Петербургѣ. Въ ней шестнадцать номеровъ музыки, большею частью вокальные ансамбли, чередующіеся съ разговорами.

¹⁾ Этотъ фарсъ-водевиль Скриба („L'ours et le Pacha“) въ переводѣ П. Арапова, по его словамъ смѣшилъ публику. Иванова исполняла въ немъ роль любимой жены пашы Рокселаны. „Лѣтописъ“ стр. 339.

²⁾ „Лѣтописъ“ стр. 352.

Повидимому нѣсколько позже петербургскаго дебюта, въ качествѣ опернаго композитора, выступилъ Алябьевъ на Московской сценѣ снова какъ авторъ музыки водеvilныхъ куплетовъ. Самымъ раннимъ изъ поставленныхъ въ Москвѣ водевилей съ его музыкой, на сколько мнѣ извѣстно, былъ „Деревенскій философъ“—комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи извѣстнаго романиста М. Н. Загоскина. Этотъ водевиль шелъ впервые въ Императорскомъ Московскомъ Театрѣ 11 Января 1823 г. въ бенефисъ актера Сабурова. Объ этомъ мы узнаемъ изъ тогдашняго изданія текста этого водевиля ¹⁾. Тутъ же приведено и распределение ролей въ этомъ водевилѣ между артистами: Волгинъ—г. Зубовъ; Лиза, дочь его—г-жа Вятрицъ м.; Ленская, пріятельница Лизы—г-жа Вятрицъ б.; Ландышевъ, женихъ Лизы—г. Воеводинъ; Болеславскій, влюбленный въ Лизу—г. Булаховъ; князь Зарѣцкій, пріятель Болеславскаго—г. Сабуровъ и Иванъ, слуга Волгина—г. Рязанцевъ.

За этимъ водевилемъ, какъ увидимъ далѣе, послѣдоваль рядъ другихъ.

Въ 1823 году совершилась перемѣна въ жизни Алябьева и изъ блестящаго офицера на дѣйствительной службѣ онъ превратился въ отставнаго. Отставка врядъ ли не была вызвана его по меньшей мѣрѣ не осмотрительнымъ поведеніемъ. Нравы и бытъ военной кавалерійской среды того времени—попойки, карточная игра, ухаживание за женщинами, различнаго рода ухарскія затѣи далеко не были чужды и Алябьеву. Выйдя изъ дворянской среды, не стѣсняемый въ средствахъ, онъ не только не отставалъ отъ товарищей, но можетъ быть и превосходилъ ихъ въ несдержанномъ проявленіи своего пылкаго темперамента. Въ послѣднее время службы, будучи адъютантомъ корпуснаго командира Н. Н. Бороздина въ Москвѣ, онъ, по разсказу Н. В. Сушкова, пріѣхалъ какъ-то въ 1823 году „съ пріятельскаго обѣда въ театръ на веселѣ переодѣтый во фракъ“ и занялъ мѣсто рядомъ съ братомъ Сушкова разсказчика—начальника отдѣленія въ Департаментѣ внѣшней торговли. „Ужасная для хранителей воинской формы метаморфоза, повѣствуетъ Н. В. Сушковъ, была замѣчена тѣмъ больше, что нафабранные усы (технической терминъ) прямо обличали гусара. Когда Алябьевъ, нашумѣвъ въ партерѣ, вышелъ во время междудѣйствія въ корридоръ, присяжные соглядатые обратились къ нему съ вопросомъ „какого онъ полку и зачѣмъ не въ мундирѣ“. Громко ругнувъ ихъ и пригрозивъ приколотить перваго кто осмѣлится загородить ему дорогу, при чемъ строгіе блюстители порядка разступились, онъ достигъ своихъ

¹⁾ „Деревенскій философъ“ комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи соч. М. Загоскина. Москва. Въ Университетской Типографіи 1823. (Въ Имп. Пуб. Б-ѣ) Печатать дозволяется съ обязанностью доставить въ Особенную Канцелярію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ узаконенное число экземпляровъ СПб. Декабря 8 дня 1822 г. Секретарь Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ В. Соцъ. Изданіе Композиціонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Шпряева.

дрожекъ и ускакалъ" ¹⁾). Братъ Сушкова спрошенный тѣми же соглядатаями отказался сообщить имъ имя Алябьева, былъ затѣмъ арестованъ и выдержанъ въ крѣпости нѣсколько недѣль въ ожиданіи требуемаго показанія. По усиленному ходатайству друзей онъ былъ наконецъ прошенъ Государемъ, такъ и не выдавъ Алябьева.

Разсказываемое Сушковымъ происшествіе случилось въ 1823 году, но Сушковъ не указываетъ ни мѣсяца ни дня. Можно думать, что эта исторія, сдѣлавшаяся извѣстной Государю, послужила причиной увольненія Алябьева въ Ноябрь того года въ отставку, такъ какъ тотъ же Сушковъ въ своемъ разсказѣ упоминаетъ, что о фамиліи офицера учинившаго продѣлку догадывались. Строгость дисциплины того времени достаточна извѣстна, а проступокъ Алябьева тѣмъ болѣе былъ непростительенъ, что онъ упорно скрывалъ его.

III.

Итакъ въ 1823 г., какъ явствуетъ уже изъ разсказа Сушкова, Алябьевъ имѣлъ пребываніе въ Москвѣ, гдѣ и поселился по выходѣ въ отставку.

Кругъ знакомыхъ въ Москвѣ у него былъ вѣроятно еще обширнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Алябьевъ жилъ безбѣдно въ собственномъ домѣ подъ Новинскимъ. Къ виднымъ лицамъ музыкальнаго міра жившимъ тогда въ Москвѣ и встрѣчавшимся съ Алябьевымъ принадлежали князь В. Ѡ. Одоевскій, А. Н. Верстовскій, назначенный съ 11 Сентября 1825 г. инспекторомъ Императорскихъ Московскихъ театровъ, графъ М. Ю. Віельгорскій.

Очень близко сошелся Алябьевъ съ А. С. Грибоѣдовымъ, былъ съ нимъ на ты и въ бытность его въ отпуску въ Москвѣ въ 1823—1824 г. постоянно видѣлся съ нимъ ²⁾). Въ домѣ Грибоѣдовыхъ въ той же мѣстности Москвы—подъ Новинскимъ нерѣдко устраивались музыкальные вечера и сходились музыканты и любители музыки.

Сестра Грибоѣдова Марія Сергѣевна (въ замужествѣ за Дурново), по свидѣтельству князя В. Ѡ. Одоевскаго „превосходно играла и на фортепіанахъ и въ особенности на арфѣ“ ³⁾).

Самъ А. С. Грибоѣдовъ, какъ извѣстно, отличался музыкальностью. Въ Петербургѣ онъ бралъ уроки по теоріи музыки у того же Юганна Миллера что и Алябьевъ, находился въ музы-

¹⁾ „Чтеніе въ Имп. О-вѣ Ист. и Древн. Россійскихъ при Моск. Унив.“ 1868, кн. 4. „Выдержки изъ записокъ Дѣйст. члена Н. В. Сушкова“.

²⁾ Грибоѣдовъ служилъ тогда по дипломатической части при главнокомандующемъ въ Грузіи Ермоловѣ. Возможно что Алябьевъ познакомился съ Грибоѣдовымъ еще въ Петербургѣ, гдѣ Грибоѣдовъ жилъ въ 1815—1818 гг.

³⁾ „Рус. Арх.“ 1864 г.

кальномъ общеніи съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и занимался музыкой и самостоятельно.

Въ одномъ письмѣ къ князю Одоевскому онъ между прочимъ писалъ: „да возлѣ тебя въ книжной лавкѣ не найдется-ли Гессъ де Кальве, теорія музыки“¹⁾. Такимъ образомъ Грибоѣдовъ приобрѣлъ достаточныя музыкальныя познанія, которыя онъ примѣнялъ въ тогдашнихъ своихъ сочиненіяхъ и импровизаціяхъ на фортепіано²⁾, настолько выходившихъ изъ рамокъ дилеттантства, что М. И. Глинка обыкновенно скупой на похвалы писалъ о немъ въ своихъ „Запискахъ“³⁾: „Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ. Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сообщилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ написалъ романсъ „Не пой волшебница (sic) при мнѣ“... Понятно, что для Грибоѣдова дружба съ Верстовскимъ и Алябевымъ, уже опытными музыкантами представляла извѣстную цѣнность. О его близкихъ отношеніяхъ къ Верстовскому свидѣтельствуеъ его письмо къ Одоевскому изъ Кіева (10 Іюня 1825 г.), гдѣ онъ пишетъ: „Верстовскаго обними за меня“. Кн. Одоевскій былъ въ свою очередь близокъ къ Верстовскому и напечаталъ тогда статью въ „Вѣстн. Евр.“ по поводу музыки Верстовскаго на стихотвореніе Пушкина „Черная шаль“⁴⁾. Сочиненіе это исполнялось на сценѣ Булаховымъ, что составляло новость.

Съ Алябевымъ Грибоѣдовъ былъ очень друженъ и проводилъ съ нимъ не мало времени въ занятіяхъ музыкой. Нужно полагать, что Алябеву руководство Гессъ-де-Кальве было хорошо извѣстно.

Пріятели любили вмѣстѣ бывать въ театрѣ. Сохранился одинъ анекдотъ-эпизодъ изъ ихъ тогдашней Московской жизни. Привожу его со словъ М. Н. Логинова.

Въ бытность Грибоѣдова въ Москвѣ въ 1824 г. онъ сидѣлъ какъ-то въ театрѣ съ извѣстнымъ композиторомъ Алябевымъ и оба очень громко аплодировали и вызывали актеровъ.

Въ партерѣ и въ райкѣ зрители вторили имъ усердно, а нѣкоторые стали шикать и изъ всего этого вышелъ ужасный шумъ. Болѣе всѣхъ обратили на себя вниманіе Грибоѣдовъ и Алябевъ,

¹⁾ „Рус. Арх.“ 1864 г. Этотъ учебникъ въ то время былъ чуть-ли не единственнымъ въ Россіи. Вотъ полное его заглавіе: „Теорія музыки или разсужденіе о семъ искусствѣ и пр. сочиненіе Густава Гессъ де Кальве. Переводъ съ нѣмецкаго Разумникъ Гонорскій 2 част. Харьковъ въ Унив. типогр. оф.“

²⁾ Въ „Литическомъ Альбомѣ на 1832 годъ“ изд. П. Ласковскимъ и Н. Норовымъ помѣщены два вальса Грибоѣдова As-dur и e-moll. Последний изъ нихъ напечатанъ въ Полн. Собр. Соч. Грибоѣдова подъ ред. Шляпкина съ помѣткою, что онъ сочиненъ въ 1823 г. Оба вальса (при чемъ e-moll'ный въ двухъ редакціяхъ) напечатаны въ 1-мъ томѣ „Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова“ изд. „Разрядомъ паящій словесности Императорской Академіи Наукъ“ (СПб. 1911) при статьѣ проф. С. К. Булича „А. С. Грибоѣдовъ-музыкантъ“.

³⁾ Записки М. И. Глинки СПб. 1887 г. стр. 45.

⁴⁾ „Русск. Арх.“ 1864 г.